

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

С.А. Джанумов

ТВОРЧЕСТВО Н.В. ГОГОЛЯ В ОЦЕНКЕ А.И. ГЕРЦЕНА

В статье приведены и прокомментированы многочисленные высказывания А.И. Герцена о творчестве Н.В. Гоголя. Особое внимание обращается на переключку (порой на совпадение) суждений Герцена о произведениях Гоголя с мнением современников, а также самого автора «Ревизора» и «Мертвых душ» о его собственных творениях. В работах, письмах и дневниках Герцена содержатся тонкие наблюдения, конкретные выводы о месте и значении Гоголя в истории русской литературы.

Ключевые слова: А.И. Герцен; Н.В. Гоголь; национальная самобытность; характеристика произведений.

Творчество Гоголя не раз привлекало к себе внимание Герцена. Прежде всего Герцен отмечал черты народности, национальной самобытности в произведениях Гоголя. В брошюре «О развитии революционных идей в России» (впервые опубликована в 1851 году по-немецки, в 1853 году в дополненном и отредактированном виде вновь издана по-французски) Герцен писал: «Гоголь, не будучи, в отличие от Кольцова, выходцем из народа по своему происхождению, был им по своим вкусам и по складу ума» [6: VII, с. 227]. Эту близость Гоголя к народной жизни Герцен связывает с «малороссийским» происхождением писателя, с его опорой на богатейшие национальные традиции: «Гоголь полностью свободен от иностранного влияния; он не знал никакой литературы, когда сделал уже себе имя. Он больше сочувствовал народной жизни, нежели придворной, что естественно для малоросса. Малоросс, даже став дворянином, никогда так резко не порывает с народом, как русский» [6: VII, с. 227].

Как известно, сам Гоголь несколько иначе осознавал свою национальную принадлежность. Он в равной степени чувствовал себя и украинцем, и русским, и даже в известной степени дорожил этой «двойственностью», видя в ней определенное преимущество

для себя как для писателя. Сошлемся на слова самого Гоголя. Сначала в письме к А.О. Смирновой-Россет от 24 октября 1844 года, отвечая на вопрос своей корреспондентки («спуститесь в глубину души вашей и скажите, точно ли вы русский или хохлик <<хохол>>» [7: XII, с. 357], Гоголь замечает: «...я, как вам известно, соединил в себе две природы: *хохлика* и *русского*» [7: XII, с. 360]. Но уже через два месяца в письме к ней же от 24 декабря 1844 года он высказывается на эту тему более подробно, подчеркивает, что раз и навсегда решил для себя эту дилемму: «...сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве» [7: XII, с. 419]. А еще ранее, в письме к своей бывшей ученице М.П. Балабиной от 7 ноября 1838 года, Гоголь выразился еще более определенно и недвусмысленно: «Все-таки сердце у меня русское» [7: XI, с. 181].

Но вернемся к брошюре «О развитии революционных идей в России». Прежде чем непосредственно перейти к характеристике основных художественных произведений Гоголя, Герцен кратко освещает основные этапы исторического развития Украины, говорит о полной драматизма и даже трагизма судьбе страны, которая на протяжении веков отстаивала «независимость свою, дикую и воинственную», добровольно присоединилась к России, но в конце концов уже при Петре I, а затем при его царственных преемниках — Елизавете Петровне и Екатерине II — была закабалена, покрыта «ледяным саваном рабства» [6: VII, с. 227]. Вместе с тем даже в этих тяжелых условиях «славный народ», как называет Герцен украинцев, сумел сохранить все, что было в нем «независимого и поэтического», свою самобытность, свой «местный колорит», свою тесную связь с историческим прошлым: «Наш <русский> народ не знает своей истории, тогда как в Малороссии каждая деревушка имеет свое предание» [6: VII, с. 228].

Этот краткий экскурс в историю, в бытовой уклад Украины нужен Герцену, чтобы выявить художественное своеобразие первых произведений Гоголя, в частности, «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Вслед за А.С. Пушкиным Герцен определяет основное преобладающее настроение этой книги — веселость: «Рассказы, с которыми впервые выступил Гоголь, представляют собою серию подлинно прекрасных картин, изображающих нравы и природу Малороссии, — картин, полных веселости, изящества, живости и любви» [6: VII, с. 228] (вспомним высказывание Пушкина о первой книжке «Вечеров...»: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности» [10: с. 216]).

Далее Герцен останавливается на двух самых значительных произведениях Гоголя — комедии «Ревизор» и поэме «Мертвые души»: «Перейдя от своих малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне народ и принимается за двух его самых заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного курса патологической анатомии русского *чиновника*» [6: VII, с. 228–229]. Тем удивительнее для Герцена не только присутствие на премьере «Ревизора» (в Александринском театре 19 апреля 1836 года) Николая I, но и непредсказуемая реакция царя на спектакль: «Присутствуя на представлениях “Ревизора”, император Николай умирал со смеху!!!» [6: VII, с. 229]!

Общую атмосферу премьерного спектакля и реакцию на гоголевскую пьесу рядового зрителя (хотя, как подчеркивает в своих воспоминаниях П.В. Анненков, «публика была избранная в полном

¹ По свидетельству инспектора репертуара российской труппы Санкт-Петербургских театров А.И. Храповицкого, Николай I «...был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души» [8: с. 348]. Это свидетельство видного петербургского чиновника согласуется с воспоминаниями других современников. Так, например, сын актера П.А. Каратыгина (как его называли, «Каратыгина 2-го», или «Младшего»), исполнителя роли судьи Ляпкина-Тяпкина, П.П. Каратыгин (по-видимому, со слов отца) говорит о мнении царя о «Ревизоре», высказанном им на премьере: «Приехав неожиданно в театр, он <Николай I> пробыл до окончания пьесы, от души смеялся и, выходя из ложи, сказал: «Ну, пьеска! Всем досталось — а мне — более всех» [9: с. 736]. В подстрочной сноске П.П. Каратыгин замечает: «Эти слова покойный Каратыгин, в числе некоторых других артистов, сам слышал, находясь за кулисами, при выходе государя из ложи на сцену» [9: с. 736].

смысле слова» [2: с. 59]) лучше всего передали присутствовавшие на премьере в Александринском театре П.А. Вяземский и тот же П.В. Анненков. В рецензии, опубликованной во втором томе журнала «Современник» за 1836 год, Вяземский писал: «Комедия сия имела полный успех на сцене: общее внимание зрителей, рукоплескания, *задушевный и единогласный хохот* <...> и, что всего важнее, живой отголосок ее, раздававшийся после в повсеместных разговорах, — ни в чем не было недостатка» (курсив мой. — *С.Д.*) [5: с. 143]. Почти о таком же отклике зрителей пишет в своих воспоминаниях и П.В. Анненков: «... раза два <...> раздавался общий *смех*. Совсем другое произошло в четвертом акте: *смех* по временам еще перелетал из конца залы в другой, но это был какой-то робкий *смех*, тотчас же и пропадавший <...>. По окончании акта прежнее недоумение уже переродилось почти во всеобщее негодование, которое довершено было пятым актом» (курсив мой. — *С.Д.*) [2: с. 59–60].

Герцен, как чуткий истолкователь гоголевского творчества, прекрасно понимает, что такое восприятие комедии как августейшим лицом, так и рядовым зрителем не входило в художественные расчеты автора «Ревизора»: «Поэт, в отчаянии, что вызвал всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, которых он изобразил <...>, счел своим долгом разъяснить в предуведомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, — что “за его улыбкой кроются горячие слезы”» [6: VII, с. 229].

Возможно, здесь Герцен имеет в виду окончание гоголевского «Театрального разезда после представления новой комедии» (1842), где «автор пьесы» выражает надежду на то, что в конце концов «будет признано потом всеми»: «...кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется более всех смеется на свете!» [7: V, с. 171]. О смехе сквозь слезы Гоголь, как известно, говорит и в одном из лирических отступлений — в начале седьмой главы «Мертвых душ»: «И долго еще определено мне чудной властью... озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!» [7: VI, с. 134]. Об этом же Гоголь пишет (и именно в связи с «Ревизором») в своей «<Авторской исповеди>», которую Герцен к моменту написания своей брошюры (1850) не мог

знать, так как гоголевская «Авторская исповедь» была опубликована только в 1855 году: «Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть» [7: VIII: с. 440]. Что же до «отчаяния» Гоголя во время и после премьеры «Ревизора», то и это вполне согласуется с воспоминаниями очевидца этих событий П.В. Анненкова: «Гоголь протрадал весь этот вечер. <...> По окончании спектакля Гоголь явился к Н.Я. Прокоповичу¹ в раздраженном состоянии духа» [2: с. 59–60].

Герцен живо интересовался судьбой гоголевской комедии, ее восприятием на Западе. Когда первая неудачная (во многом еще и из-за плохого перевода на французский язык) постановка «Ревизора» в Париже в апреле 1854 года потерпела провал, Герцен откликнулся на это событие в статье «О романе из народной жизни в России» (1857), где не без горечи осознал: «Иностранцу трудно понять, какое огромное влияние имела у нас театральная постановка “Ревизора” — этой пьесы, потерпевшей полное фиаско в Париже» [6: XIII, с. 174].

В брошюре «О развитии революционных идей в России», переходя к «Мертвым душам», Герцен в первую очередь говорит о том огромном впечатлении, которое произвела поэма при своем выходе в свет на русского читателя: «“Мертвые души” потрясли всю Россию» [6: VII, с. 229]. Причину этого потрясения Герцен видит в том, что «поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо» [6: VII, с. 229].

В этой лапидарной и емкой характеристике гоголевской поэмы обращают на себя внимание три ключевых слова — «крик», «пошлый» и «зеркало». Вспомним высказывание Герцена об определяющей роли литературы в общественной жизни России: «У народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать *крик* своего возмущения и своей совести» (курсив мой. — С.Д.) [6: VII, с. 198].

Что касается второго ключевого слова в приведенной несколькими строками выше тираде Герцена, то сам Гоголь нередко

¹ Н.Я. Прокопович — соученик Гоголя по Нежинской гимназии и его близкий друг.

определял словом «пошлость» основную сущность персонажей «Мертвых душ». В одной из центральных статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) — «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» — Гоголь так определяет особенность своего таланта: «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко *пошлость* жизни, уметь очертить в такой силе *пошлость пошлого* человека (курсив мой. — С.Д.), чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем <...>. Это свойство выступило с большей силою в М<ертвых> д<ушах>» [7: VIII, с. 292–293]. Гоголь объясняет, почему «Мертвые души» «так испугали Россию и произвели такой шум внутри ее»: «...*пошлость* всего вместе испугала читателей. Испугало их то, что один за другим следуют у меня герои один *пошлее* другого <...>. Мне бы скорей простили, если бы я выставил картинных извергов; но *пошлости* не простили мне» [7: VIII, с. 293]. И далее Гоголь еще раз вновь и вновь возвращается к этому слову: «Не спрашивай, зачем первая часть должна быть вся — *пошлость* и зачем все лица до единого должны быть *пошлы*: на это дадут тебе ответ другие томы, — вот и всё» (второй курсив мой. — С.Д.) [7: VIII, с. 295].

Как видим, Герцен сумел очень точно подобрать то слово «пошлость», которое звучит у Гоголя рефреном при характеристике персонажей «Мертвых душ». И не только найти, но и применить его по отношению к читателю гоголевской книги, который «...вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо». Именно такого сильного воздействия своей поэмы на современников и ожидал Гоголь. Писатель хотел, чтобы каждый человек при чтении «Мертвых душ» заглянул поглубже в свою душу и не просто смеялся над героями поэмы, но увидел в них, как в зеркале, самого себя, какие-то черты и особенности своей натуры. Как мы помним, в главе XI «Мертвых душ» автор прямо обращается к читателю с призывом увидеть себя в персонажах своей книги: «Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым, может быть, даже похвалите автора, скажете: “Однако ж кое-что он ловко подметил...” <...>. А кто из вас, полный христианского сми-

ренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит во внутрь собственной души сей тяжелый запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» [6: VI, с. 245].

Надо отметить, что многими современниками Гоголя, и прежде всего самим Герценом, это заветное желание писателя было услышано. 29 июля 1842 года, вскоре после выхода в свет поэмы «Мертвые души», Герцен записывает в своем дневнике: «Не все ли мы, после юности, так или иначе, ведем одну из жизней гоголевских героев? Один остается при маниловской тупой мечтательности, другой буйствует а la Nodreff, третий Плюшкин и пр.» [6: II, с. 220]. Это мнение Герцена разделял и В.Г. Белинский (не зная, разумеется, о герценовской записи в дневнике). В 1847 году в статье «Ответ “Москвитяину”» Белинский подчеркивал: «...каждый из нас, какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, — то непременно найдет в себе, в большей или меньшей степени, многие из элементов многих героев Гоголя» [3: VIII, с. 312].

И, наконец, о третьем ключевом слове — «зеркало» — в процитированном выше фрагменте из брошюры Герцена. Всем памятна народная пословица, предпосланная Гоголем в качестве эпиграфа к комедии «Ревизор» (в издании 1842 года): «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» [7: IV, с. 5]. В.А. Воропаев считает, что под зеркалом автор «Ревизора» подразумевал Евангелие и другие религиозные книги [4]. Это мнение находит подтверждение в некоторых письмах Гоголя. Так, в письме к М.П. Погодину от 20 декабря 1844 года Гоголь советует своему другу: «...держи всегда у себя на столе книгу, которая бы тебе служила духовным зеркалом» [7: XII, с. 402]. А неделей позже, 28 декабря 1844 года, Гоголь пишет о том же и почти теми же словами А.О. Смирновой: «Взгляните также на самих себя. Имейте для этого на столе духовное зеркало, то есть какую-нибудь книгу, в которую может смотреть ваша душа, хоть, например, “Подражание Христу”» [7: XII, с. 443]. Конечно, Герцен употреблял слово «зеркало» в прямом, а не переносном смысле, о чем свидетельствует окончание цитируемого выше фрагмента: «...когда он <человек> вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо». Но исключать

из этого контекста и гоголевское религиозное истолкование мотива зеркала тоже нельзя.

В своем дневнике (в записи от 29 июля 1842 года) Герцен говорит о «толках» вокруг поэмы Гоголя в разных общественных лагерях: «Славянофилы и антиславянисты <западники> разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это — апотеоза <апофеоз>, Илиада наша, и хвалят, след<овательно>, другие бешутся, говорят, что тут анафема Руси и за то ругают. Обратное <наоборот> тоже раздвоились антиславянисты» [6: II, с. 220].

Таким образом, Герцен подчеркивает, что мнения о «Мертвых душах» были полярными, резко разделились как среди славянофилов, так и среди западников. «Славянофилы № 1» (под которыми Герцен имеет в виду прежде всего К.С. Аксакова с его брошюрой «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”», А.С. Хомякова и др.) действительно хвалили поэму Гоголя и соотносили ее в плане «всеобъемлющего эпического созерцания» и отображения жизни с «Илиадой» Гомера: «...эпическое созерцание Гоголя — древнее, истинное, то же, какое и у Гомера» [1: с. 143]. Сближает, по мнению К.С. Аксакова, поэму Гоголя с «Илиадой» Гомера и характер художественных сравнений: «Всякий, кто читал «Илиаду», верно, вспомнит Гомера, читая сравнения Гоголя» [1: с. 147]. И С.П. Шевырёву в его разборе гоголевской поэмы в журнале «Москвитянин» (1842) некоторые сравнения в «Мертвых душах» «полнотою и простотою образа» напоминают «сравнения Гомеровы»: «...как забыть чудные сравнения, встречающиеся нередко в “Мертвых душах”! Их полную художественную красоту может постигнуть только тот, кто изучал сравнения Гомера...» [12: с. 191].

Герцен справедливо указывает на «раздвоение» по отношению к гоголевской поэме среди западников, «антиславянистов». Если В.Г. Белинский (в «Отечественных записках» за 1842 год), несмотря на полное отрицание всякой связи «Мертвых душ» с «Илиадой» Гомера (с Гомером у Гоголя «нет ничего общего»), все-таки высоко оценивал поэму Гоголя («Тем-то и велико создание “Мертвые души”, что в нем вскрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочам этим придано общее значение») [3: V, с. 144, 159], то,

например, П.Я. Чаадаев, по воспоминаниям современников, отзывался о «Мертвых душах» резко отрицательно.

Как бы подытоживая в своем дневнике полемику вокруг поэмы Гоголя, Герцен выступает против односторонних суждений в оценке «Мертвых душ»: «Велико достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от всякого одностороннего взгляда. Видеть апотеозу смешно, видеть одну анафему несправедливо» [6: II, с. 220].

Затем в дневниковой записи Герцена от 29 июля 1842 года возникает другое произведение мировой литературы, с которым сравнивается гоголевская поэма — «Божественная Комедия» Данте. Как известно, в творческой истории «Мертвых душ», хотя прямо Гоголь нигде об этом и не говорит, важное место занимала ориентация на «Божественную Комедию». Об этом свидетельствует хотя бы самый замысел гоголевской поэмы, которая должна была состоять, как и «Божественная Комедия», из трех частей. Об этом предполагаемом трехчастном составе поэмы Гоголя глухо упоминается в конце главы XI «Мертвых душ»: «... что до автора, то он ни в каком случае не должен ссориться с своим героем: еще не мало пути и дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две большие части впереди — это не безделица» [7: VI, с. 246]. Данте, наряду с Гомером, как вспоминает об этом П.В. Анненков в статье «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года», принадлежал к числу любимых зарубежных писателей Гоголя: «В Риме он /Гоголь/ только перечитывал любимые места из Данте, “Илиады” Гнедича¹ и стихотворений Пушкина» [2: с. 67].

Реминисценции из «Божественной Комедии» приходят на ум Гоголю и в седьмой главе «Мертвых душ», когда он показывает подписание Чичиковым купчей на мертвые души в судебном «присутствии». Намеренно пародийно и остро сатирически звучит само сравнение «присутствия» с дантовским «адам», а одного из «слуг Фемиды» — неопрятного коллежского регистратора — с Вергилием: «... один из священнодействующих, тут же находившихся <...>, прислужился нашим приятелям <Чичикову и Манилову>, как некогда Вергилий прислужился Данту» [7: VI, с. 144].

¹ Имеется в виду перевод поэмы Гомера на русский язык Н.И. Гнедичем.

Еще раз едкая ирония при сопоставлении мелкого чиновника с дантовским Вергилием, сопровождавшим повествователя в его путешествии по кругам ада, проявляется ниже, когда Чичиков с Маниловым доходят до комнаты председателя палаты: «В этом месте новый Вергилий почувствовал такое благоговение, что никак не осмелился занести туда ногу и поворотил назад...» [7: VI, с. 144]. Здесь содержится явный намек Гоголя на судейские порядки и приказную волокиту, способные принести всякому просителю не меньшие муки, чем страшные мучения, испытываемые грешниками в поэме Данте.

Сравнение с Дантовым «Адом» приходит на ум Герцену, когда он пишет о картине русской действительности и об образах помещиков в первом томе «Мертвых душ»: «Тут, переходя от Собакевичей к Плюшкиным, обдаёт ужас, с каждым шагом вязнете, тонете глубже. Лирическое место вдруг оживит, осветит и сейчас заменяется опять картиной, напоминающей еще яснее, в каком *рву* ада находимся, и как Дант хотел бы перестать видеть и слышать — а смешные слова *веселого* автора раздаются» [6: II, с. 220].

В скрытой форме это сопоставление с «Божественной Комедией» осознавалось и самим Гоголем. В статье «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь говорит об «испуге» читателей поэмы, которые от главы к главе знакомились с лицами, все меньше и меньше несущими в себе хотя бы какое-то подобие духовного начала и все больше и больше деградирующими: «Испугало их <читателей> то, что один за другим следуют у меня герои один пошлее другого...» [7: VIII, с. 293]. Так и у Данте спуск в ад и странствие повествователя по девяти кругам ада — это спуск в царство бездуховности, когда человеческий облик исчезает и в человеке все больше превалирует животное (у Гоголя — пошрое) начало.

В своем дневнике Герцен обращает внимание и на смысл заглавия гоголевской поэмы: «“Мертвые души”. Это заглавие само носит в себе что-то наводящее ужас¹. И иначе он не мог назвать;

¹ Здесь содержится скрытая цитата из финального лирического отступления в «Мертвых душах» о «бойкой необгонимой тройке»: «Что значит это *наводящее ужас* движение?» (курсив мой. — С.Д.) [7: VI, с. 246].

не ревизские — мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti¹ — вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу» [б: II, с. 220].

Различными исследователями гоголевского творчества уже не раз раскрывался метафорический, а иногда и символический смысл словосочетания «мертвые души», обращенный не к умершим крестьянам, а к физически живым и даже в большинстве своем процветающим помещикам. Но одним из первых эту мертвенность, бездуховность гоголевских героев выявил именно Герцен. Вместе с тем Герцен за этой безотрадной картиной видит и другое. В статье «Новая фаза в русской литературе» (1864; подлинник по-французски) Герцен, как бы продолжая и развивая свою характеристику гоголевской поэмы в брошюре «О развитии революционных идей в России» («крик ужаса и стыда» [б: VII, с. 229]), писал: «Поэзия Гоголя, его скорбный смех — это не только обвинительный акт против подобного нелепого существования, но и мучительный крик человека, стремящегося спастись прежде, чем его заживо похоронят в этом мире безумцев. Чтобы подобный крик (здесь и выше курсив мой. — С.Д.) мог вырваться из груди, надобно, чтоб в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Гоголь чувствовал — и многие другие чувствовали вместе с ним, — что за мертвыми душами есть души живые» [б: XVIII, с. 188].

Герцен очень точно подметил, что Гоголь среди мертвых душ все время ищет души живые². По прочтении поэмы всякого внимательного читателя «Мертвых душ» (а Герцен и был таким внимательным, тонко чувствующим читателем) охватывает не чувство отчаяния, уныния, безнадежности, а, как ни странно, надежда на обновление, на возрождение России: «...“Мертвые души” Гоголя — удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную сил национальность» [б: II, с. 214].

¹ Все им подобные (*ит.*).

² См. в том числе монографию Ю.В. Манна «В поисках живой души: “Мертвые души”: Писатель – критика – читатель» (1984).

Конечно, Герцен не мог пройти и мимо такого значительного произведения Гоголя, как «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) — «отчасти моей собственной исповеди» [7: XIII, с. 138], как характеризует свою книгу сам Гоголь в письме к матери от 14 ноября 1846 года. Как и многие другие современники писателя, Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» сурово осудил эту «исповедь» Гоголя: «Гоголь, кумир русских читателей, мгновенно возбудил к себе глубочайшее презрение своей раболепной брошюрой» [6: VII, с. 220]. Вместе с тем в своей повести «Долг прежде всего», пять глав из которой были закончены в том же 1847 году, когда вышли в свет «Выбранные места из переписки с друзьями», Герцен называет эту книгу «духовным прозрением Гоголя» [6: VI, с. 309].

Как свидетельствует И.С. Тургенев в своих «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869), отрицательный отзыв Герцена о «Выбранных местах...» стал известен Гоголю, и он был очень задет этим отзывом. Тургенев вспоминает: «...в то время только что появилась — в одном заграничном издании — статья Искандера¹, в которой он, по поводу пресловутой “Переписки”, упрекал Гоголя в отступничестве от прежних убеждений. Гоголь сам заговорил об этой статье. <...> Гоголь начал уверять нас <И.С. Тургенева и актера М.С. Щепкина> <...>, что не может понять, почему в прежних его сочинениях некоторые люди находят какую-то оппозицию, что-то такое, чему он изменил впоследствии; что он всегда придерживался одних и тех же религиозных и охранительных начал — и, в доказательство того, готов нам указать на некоторые места в одной своей, уже давно напечатанной, книге <в сборнике “Арабески”, 1835>» [11: с. 59–60]. Ту же позицию Гоголь отстаивает и в письме к С.П. Шевырёву от 27 апреля 1847 года: «Я не могу понять, отчего поселилась эта нелепая мысль об отречении моем от своего таланта и от искусства...» [7: XIII, с. 292].

Как известно, Гоголь очень болезненно переживал фиаско своих «Выбранных мест...» и искренне не понимал, почему на него ополчились почти все, в том числе и его друзья. Отзыв же Герцена привлек особое внимание Гоголя, по-видимому, потому,

¹ Т. е. брошюра Герцена «О развитии революционных идей в России».

что личность Герцена как писателя и человека в то время очень занимала Гоголя. В письме к П.В. Анненкову от 7 сентября 1847 года Гоголь замечает: «В письме вашем вы упоминаете, что в Париже находится Герцен. Я слышал о нем очень много хорошего. О нем люди *всех партий* отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в наше время. Когда буду в Москве¹, познакомлюсь с ним непременно, а куда известите меня, что он делает, что его более занимает и что <является> предметом его наблюдений» [7: XIII, с. 385].

Подведем некоторые итоги. В статье нельзя привести все высказывания и суждения Герцена о творчестве Гоголя, равно как и многочисленные реминисценции, аллюзии и цитаты из произведений Гоголя в художественных произведениях, в публицистике и в письмах Герцена. Однако глубокий и с годами не прекращающийся интерес автора «Былого и дум» к Гоголю-писателю очевиден. Герцен никогда не претендовал на роль литературного критика или историка литературы, но во многих его статьях и письмах содержатся ценные и тонкие наблюдения, вполне аргументированные выводы о месте и значении Гоголя в истории русской литературы и русского общественного сознания.

По своей внешней форме высказывания Герцена о Гоголе большей частью представляют собой блестящие, остроумные, нередко афористичные и законченные характеристики. Иногда это исполненные огня и чувства, проникнутые чисто лирическим воодушевлением импровизации. В ряде случаев в приведенных выше статьях и дневниковых записях проявляется полемическая страстность и язвительность, свойственный Герцену максимализм, суровая, повышенная требовательность к Гоголю-писателю, желание во что бы то ни стало увидеть в его произведениях сатирическое изображение русской действительности.

Очень часто суждения Герцена о произведениях Гоголя созвучны с мнением автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Если же порой они и существенно различались (в силу значительной разницы в мировоз-

¹ Герцен выехал за границу 31 января (12 февраля) 1847 года и в Россию не вернулся.

зрении, жизненном опыте, общественной и литературной позиции, эстетических взглядах и вкусах их авторов), то одно и главное их объединяло — желание, говоря гоголевскими словами из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», «устремить общество или даже все поколение к прекрасному» [7: VIII, с. 298].

Литература

1. *Аксаков К.С.* Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души / К.С. Аксаков // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова. — М.: Современник, 1981. — С. 141–150.

2. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания / П.В. Анненков; вступ. ст. В.И. Кулешова; коммент. А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. — М.: Правда, 1989. — 688 с.

3. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 тт. / В.Г. Белинский. — М.: Художественная литература, 1976–1982 (в тексте статьи в квадратных скобках римскими цифрами указан том, арабскими — страница этого издания).

4. *Воропаев В.А.* Над чем смеялся Гоголь: О духовном смысле комедии «Ревизор» / В.А. Воропаев // Слово. Православный образовательный портал. — Филология // [www. portal-slovo/philology/37074.php](http://www.portal-slovo/philology/37074.php) (дата обращения: 02.03.2012 г.).

5. *Вяземский П.А.* «Ревизор». Комедия, соч. Н. Гоголя. — С.-Петербург, 1836 / П.А. Вяземский // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст. и коммент. Л.В. Дерюгиной. — М.: Искусство, 1984. — С. 142–154.

6. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 тт. / А.И. Герцен. — М.: Изд-во АН СССР: Наука, 1954–1965; Справочный том: Общие указатели. — М.: Наука, 1966 (в тексте статьи в квадратных скобках римскими цифрами указан том, арабскими — страница этого издания).

7. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: В 14 тт. / Н.В. Гоголь. — М.: Изд-во АН СССР, 1940–1952 (в тексте статьи в квадратных скобках римскими цифрами указан том, арабскими — страница этого издания).

8. Дневник Александра Ивановича Храповицкого // Русская старина. — 1879. — Т. XXIV. — Февраль. — С. 341–356.

9. *Каратыгин П.П.* Портрет Гоголя, рисованный П.А. Каратыгиным / П.П. Каратыгин // Исторический вестник. — 1883. — Т. 13. — Сентябрь. — С. 734–736.

10. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 тт. / А.С. Пушкин. – Т. 11. – [Б.м.]: Изд-во АН СССР, 1949. – 576 с.
11. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. Соч.: В 12 тт. / И.С. Тургенев. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 11. – М.: Наука, 1983. – 528 с.
12. *Шевырев С.П.* Об отечественной словесности / С.П. Шевырев / Сост., вступ. ст., коммент. В.М. Марковича. – М.: Высшая школа, 2004. – 304 с.

S.A. Dzhanumov

**The Oeuvre of N.V. Gogol
in the Evaluation of A.I. Gertsen (Herzen¹)**

The numerous A.I. Gertsen's (Herzen's) statements on the oeuvre of N.V. Gogol are adduced and commented in the article. The particular attention is given to the resemblance and sometimes to the coincidence of Herzen's judgments with the judgments of his contemporaries, as well as with the thoughts of the author of "Revizor", "Dead Souls" about his own works. The works, letters and diaries of Herzen contains shrewd observations, concrete conclusions about the place and significance of Gogol in the history of Russian literature.

Key words: A.I. Gertsen (Herzen); N.V. Gogol; oeuvre; national identity; characteristic of the works.

¹ Так латиницей писал свою фамилию сам А.И. Герцен.